

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В ДУНАЙСКОМ БАССЕЙНЕ И НА БАЛКАНАХ С ОКТЯБРЯ 1938 ПО 15 МАРТА 1939 Г.

В буржуазной историографии господствует тезис об отходе СССР после Мюнхена от политики коллективной безопасности. Американский историк Т. Тэйлор пишет о некоем «переключении» в советской внешней политике осенью 1938 г. и об отказе-СССР от противодействия германской экспансии на Балканах¹; Французские историки М. Бомон, Ж.-Б. Дюрозель и англичанин Д. Чапмен² обвиняют Советский Союз в отказе от сотрудничества с западными державами. Эти обвинения противоречат фактам.

В исследованиях историков-марксистов освещались отдельные проблемы советской политики в Дунайском бассейне и на Балканах с октября 1938 по 15 марта 1939 г.³ Однако предметом специального исследования она не была. В данной статье предпринята попытка рассмотреть на основе недавно опубликованных документов⁴ основные направления борьбы Советского Союза за мир и коллективную безопасность в районе Дунайского бассейна и на Балканах в период от мюнхенского сговора до оккупации Чехословакии.

Советский Союз был единственным государством, готовым в сентябре 1938 г. выступить на защиту Чехословакии. «В тяжелые дни позорной мюнхенской сделки, – отмечал Л. И. Брежнев, – только Советский Союз предложил реальную помощь Чехословакии. Но чехословацкая буржуазия предпочла национальную измену союзу со страной социализма. Чехословакия была расчленена...»⁵.

Западные державы предоставили Германии свободу рук в Восточной и Юго-Восточной Европе, надеясь направить фашистскую агрессию против СССР. 30 сентября в Мюнхене Чемберлен заверил Гитлера, что Англия не собирается мешать германской экспансии в Юго-Восточной Европе⁶. По сообщению польского посла в Англии Э. Рачинского, в Лондоне были убеждены, что британский премьер перенес «игру» на восток Европы и отодвинул опасность от империи⁷.

Случившееся было оценено правительством СССР как «катастрофа для всего мира»⁸. Заключение мюнхенской сделки нанесло тяжелый удар по системе договоров о взаимопомощи Париж–Прага–Москва, бывшей главной преградой на пути агрессоров. Распалась Малая Антанта, углубился кризис Балканской Антанты. Присоединение Судетской области к Германии значительно увеличило ее военный и экономический потенциал, укрепило ее стратегические позиции в Европе за счет Англии и особенно Франции⁹.

Мюнхен не смягчил империалистические противоречия между англо-французским и германо-итальянским блоками. Следовательно, оставались определенные надежды на то, что развитие событий заставит Англию и Францию занять более твердую позицию по отношению к агрессору. Эти надежды были связаны прежде всего с Францией, для которой Мюнхен стал «вторым Седаном»¹⁰. От советской дипломатии не укрылись опасения Парижа, что в своем стремлении заключить соглашение с Германией Лондон будет мало считаться с интересами своего союзника. Советский полпред в Англии И. М. Майский писал, что «основная цель Чемберлена не «пакт четырех», а «пакт двух» (Англия и Германия), лишь формально облеченный в костюм «пакта четырех»¹¹. Британское правительство нередко действовало в обход Франции. В конце октября без консультации с Францией оно приняло решение ввести в силу англо-итальянский договор, заключенный 16 апреля 1938 г.¹² Это произошло в момент резкого ухудшения франко-итальянских отношений¹³.

В ноябре правительство Чемберлена известило Францию о своем отказе заключить англо-франко-турецкий союзный договор, которого настойчиво добивалась французская дипломатия¹⁴. 16 октября нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов предупреждал французского посла Кулондра: «Одно из двух: либо Англия и Франция будут и в дальнейшем удовлетворять все требования Гитлера и последний получит господство над всей Европой...

Впервые опубликовано: Политика Великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1982.

либо Англия и Франция осознают опасность и начнут искать пути для противодействия... гитлеровскому динамизму. В этом случае они неизбежно обратятся к нам и заговорят с нами другим языком. В первом случае в Европе останется только три великие державы— Англия, Германия и Советский Союз. Вероятнее всего, Германия пожелает уничтожить британскую империю и стать ее наследницей. Менее вероятно нападение на нас...»¹⁵. По существу М. М. Литвинов предложил вернуться к франко-советскому сотрудничеству.

Однако правительство Даладье стремилось заключить соглашение с Германией. В октябре 1938 г. оно рассматривала вопрос о денонсации франко-советского пакта¹⁶. Вопрос о денонсации франко-советского пакта обсуждался и в Лондоне. Но британский министр иностранных дел Галифакс и его заместитель Кадоган считали это преждевременным¹⁷. Правительства Англии и Франции намеревались использовать франко-советский договор в качестве одного из средств давления на Германию.

После Мюнхена западные державы продолжали добиваться «общего урегулирования» с Германией. Во второй половине октября главный экономический советник британского правительства Лейт-Росс вел переговоры с германской делегацией об экономическом сотрудничестве, одной из сфер которого должна была стать Юго-Восточная Европа¹⁸. В конце октября британский военный министр Хор-Белиша предлагал германскому послу в Англии Дирксену заключить англо-германские «гарантии» против СССР¹⁹. Активную подготовку соглашения с Германией проводила французская дипломатия. К 25 октября проект франко-германской декларации о ненападении был в основном согласован²⁰. М. М. Литвинов писал советскому полпреду во Франции: «Не подлежит сомнению, что как Чемберлен, так и Даладье— Бонне ради соглашения с Германией и Италией пойдут на что угодно. Им, конечно, невыгодно теперь же рвать с нами, ибо они тогда лишатся козыря в переговорах с Берлином. Обратятся они к нам только в том случае, если не вытанцуются соглашение с Берлином...»²¹.

В крайне тяжелой международной обстановке Советское правительство приложило максимум усилий, чтобы спасти все, что осталось от системы коллективной безопасности. 9 октября М. М. Литвинов запросил чехословацкое правительство, насколько желательным для себя оно считает включение СССР в число гарантов новых границ Чехословакии. Но министр иностранных дел Чехословакии Ф. Хвалковский сообщил в Москву, что «данный вопрос относится к компетенции великих держав»²². 22 октября в беседе с советским полпредом С. С. Александровским Ф. Хвалковский предложил правительству СССР взять на себя инициативу по денонсации советско-чехословацкого договора²³. Это предложение последовало на следующий день после того, как Гитлер утвердил директиву о подготовке к разгрому «оставшейся части Чехии»²⁴. Советский полпред ответил Хвалковскому, что «напрасно будет ожидать инициативу СССР в каком бы то ни было вопросе, который шел бы вразрез с политикой СССР расширения и укрепления основ и форм принципа коллективной безопасности»²⁵. М. М. Литвинов писал Я. З. Сурицу: «Никаких шагов ни в отношении советско-чехословацкого, ни советско-французского пактов мы предпринимать не будем»²⁶.

Следующим за Чехословакией объектом германской агрессии должна была стать Польша. После Мюнхена германо-польские отношения ухудшились. В конце октября министр иностранных дел Германии Риббентроп заявил польскому послу Липскому, что урегулирование спорных проблем между Польшей и Германией должно включать воссоединение Данцига с рейхом²⁷. В этих условиях правительство СССР было готово не только нормализовать отношения с Польшей, но и сотрудничать с ней²⁸. 4 ноября между М. М. Литвиновым и польским послом в СССР была достигнута договоренность о публикации в печати советско-польского коммюнике об урегулировании отношений между двумя странами²⁹.

Мюнхенский сговор создал благоприятные условия для расширения германской экспансии на Балканах. Кулондр писал 4 октября в Париж: «Путь на юго-восток Германии отныне открыт»³⁰. В октябре германский министр экономики Функ посетил Белград, Софию и Анкару, где вел переговоры о расширении сотрудничества Балканских стран с третьим рейхом. Советская дипломатия активно противодействовала Германии в Юго-Восточной Европе. 5 октября в связи с предстоящим визитом Функа в Анкару полпред СССР в Турции А. В. Терентьев обратил внимание турецкого министра иностранных дел Араса на усиление агрессивных замыслов Германии в отношении Балканских стран и на опасность расширения с ней экономических отноше-

ний³¹. 11 октября И. М. Майский предупредил британского министра иностранных дел Галифакса, что германская активность в Юго-Восточной Европе угрожает прежде всего интересам Англии и Франции, так как «утвердивши свое господство в Центральной Европе и на Балканах, Германия скорее всего повернет на Запад»³².

Но в Лондоне рассчитывали направить Германию против СССР. Опасения у правящих кругов Англии вызывала главным образом возможность германского наступления через Балканы на Ближний Восток. Гитлер расценил Мюнхен как свой триумф и не собирался ограничивать свои притязания Центральной и Юго-Восточной Европой, которую он уже считал германской сферой влияния. 14 ноября Галифакс информировал внешнеполитический комитет английского правительства об опасности наступления Германии в направлении Черного моря, Турции, Индии и об агрессивных замыслах Гитлера в отношении британской колониальной империи. Галифакс высказал мнение, что на данном этапе англо-германские переговоры являются бесперспективными, и предложил перенести акцент на переговоры с Муссолини. Чемберлен и министр колоний Макдональд выступили против уступок Германии в колониальном вопросе³³. Сходную позицию занимало правительство Франции. Болгарская миссия сообщила из Парижа в Софию 29 октября, что во Франции преобладают сторонники ухода из Центральной и Юго-Восточной Европы, выступающие за концентрацию усилий на Средиземноморье, колониальной империи, достижение соглашения с агрессивными государствами³⁴.

Осенью 1938 г. правительства Балканских стран пытались получить экономическую помощь у Англии и Франции. Но греческий и румынский короли, югославский принц-регент покинули Лондон и Париж с пустыми руками. Тщетными оказались и попытки Болгарии получить помощь у западных держав³⁵. 21 ноября внешнеполитический комитет британского кабинета обсуждал меморандум Лейт-Росса о торговле со странами Юго-Восточной Европы. На этом заседании Лейт-Росс заявил: «Мы не можем позволить Германии делать в Центральной Европе все, что она пожелает. Мы должны защищать британские коммуникации в Средиземноморье, обеспечить дружественные отношения с Португалией, Испанией, Италией, Грецией, Турцией и Египтом»³⁶. Возможная экономическая помощь Балканским странам интересовала правительство Чемберлена как вспомогательное средство укрепления британских позиций на подступах к Ближнему Востоку и как один из методов воздействия на Гитлера с целью заставить его быть более уступчивым в колониальном вопросе. Неудивительно, что на заседании 21 ноября не было принято никаких решений, способных помочь странам Юго-Восточной Европы противостоять германскому нажиму³⁷.

В ноябре–декабре 1938 г. Бухарест, Софию и Белград посетила французская экономическая миссия. Но перед ней стояла по существу только задача зондажа, и ее деятельность оказалась бесплодной³⁸. Англия и Франция сохраняли видимость некоторой заинтересованности в Балканских странах лишь для того, чтобы за счет их продолжить торг с Гитлером³⁹.

В этих условиях в странах Юго-Восточной Европы усилился интерес к развитию торговых отношений с СССР. В результате досрочного выполнения второй пятилетки и завершения технической реконструкции народного хозяйства Советский Союз превратился в мощную индустриальную державу. Он был для Балканских стран чрезвычайно выгодным, а в условиях нового экономического кризиса, охватившего капиталистический мир в конце 1937/38 г., и самым надежным партнером. СССР мог приобретать у стран Юго-Восточной Европы сельскохозяйственную продукцию в обмен на промышленные товары и ценные виды сырья⁴⁰. Он мог поставлять в Балканские страны и вооружение, но только в том случае если оно было им необходимо для защиты от агрессии. 20 октября турецкий посол в СССР Апайдын поставил перед заместителем наркома иностранных дел В. П. Потемкиным вопрос о снабжении Турции вооружением, которое показало бы неизменность советско-турецкой дружбы. В. П. Потемкин ответил, что такая демонстрация была бы несколько односторонней, так как, «необходимо, чтобы сама Турция продемонстрировала свое желание укрепить дружбу и сотрудничество с СССР»⁴¹.

Советское правительство придавало большое значение развитию отношений с Балканскими странами. В конце ноября в Турцию на похороны основателя Турецкой Республики Ата-тюрка прибыла советская делегация, возглавляемая В. П. Потемкиным. В. П. Потемкин указал новому президенту Турции Иненю на неизменность внешнеполитического курса

СССР «неуклонно стремящегося к миру, активно поддерживающего всякое начинание, которое имеет целью обеспечить этот мир и помешать попыткам нарушения его агрессорами». Он выразил надежду, что новое руководство Турции будет верным традициям дружбы с Советским Союзом»⁴². В. П. Потемкин воспользовался пребыванием в Анкаре, чтобы предложить руководителям румынской и болгарской делегаций направить представителей в Москву для торговых переговоров⁴³.

Важным шагом в направлении восстановления системы коллективной безопасности было урегулирование советско-польских отношений. В конце ноября польская и советская пресса опубликовала официальное заявление о том, что две страны руководствуются в отношениях между собой договором о ненападении

1932 г.⁴⁴ Правительство Польши отказалось от советского предложения, включить в текст официального коммюнике оценку международного положения и указание причин, приведших обе страны к решению нормализовать отношения между собой. Не был в него включен и предложенный правительством СССР пункт о консультациях между Советским Союзом и Польшей⁴⁵. Тем не менее значение советско-польского коммюнике было велико. Оно было встречено в малых странах с большим интересом. Там появились надежды на то, что возможное сближение Польши с СССР активизирует во Франции сторонников укрепления связей с Польшей и приведет в итоге к сближению Советского Союза с западными державами⁴⁶. Сотрудничество Польши и СССР могло также нейтрализовать антисоветскую направленность польско-румынского союзного договора и превратить его в действующий против немецко-фашистской агрессии.¹ Однако враждебное отношение правительств Польши и Румынии к стране социализма не позволило советской дипломатии в конце 1938– начале 1939 г. реализовать эти возможности.

Наряду с попытками расширить отношения с малыми странами Восточной и Юго-Восточной Европы, советская дипломатия прилагала значительные усилия по привлечению к политике коллективной безопасности великих держав. 20 ноября французский поверенный в делах Пайяр спросил М. М. Литвинова, считает ли он возможным привлечение к политике коллективной безопасности Польши и Румынии. Нарком ответил, что «должны сперва объединиться великие державы; и когда они на деле покажут свою способность вести твердую и последовательную политику, то вокруг них начнут группироваться другие страны»⁴⁷. Но и это заявление о готовности СССР сотрудничать с западными державами в интересах борьбы против агрессии осталось без ответа. В конце ноября в Париже состоялось франко-британское совещание глав правительств и министров иностранных дел. На нем Даладье и Бонне заверили Чемберлена, что Франция будет сохранять нейтралитет в «украинском вопросе»⁴⁸. Английские и французские министры немало внимания уделили защите своих интересов в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Стороны договорились о проведении твердой линии в колониальном вопросе. В то же время проблема противодействия германской агрессии в Восточной и Юго-Восточной Европе не затрагивалась вовсе⁴⁹.

6 декабря была подписана франко-германская декларация, которую гитлеровцы расценили как еще одно свидетельство предоставления Германии свободы рук на востоке Европы⁵⁰. М. М. Литвинов писал: «Линия Бонне совершенно ясна: полный отказ от какого-либо вмешательства в дела Европы и сосредоточение защиты, дипломатической и иной, исключительно на границах империи»⁵¹. Такая позиция гармонировала с внешнеполитическим курсом правительства Чемберлена, которое не препятствовало развитию германской агрессии в восточном направлении, но заняло жесткую позицию в колониальном вопросе. 8 декабря главный дипломатический советник британского министра иностранных дел Р. Ванситтарт заявил советскому полпреду в Англии И. М. Майскому, что «ни Англия, ни Франция не согласятся на передачу Гитлеру или, Муссолини каких-либо колоний»⁵². Зато в западной прессе и официальных кругах в конце 1938 г. активно обсуждалась возможность германской агрессии в направлении Украины. В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии отмечалось, что шумиха, поднятая на Западе по поводу Украины, преследовала цель спровоцировать конфликт между Германией и СССР⁵³;

Гитлеровская дипломатия умело воспользовалась благоприятной обстановкой, созданной для нее в Юго-Восточной Европе усилиями Лондона и Парижа. В начале декабря, используя в качестве предлога расстрел Кодряну, Берлин оказал беспрецедентный нажим

на Румынию. Румынское правительство отступило. 10 декабря было подписано румыно-германское соглашение о товарообороте на 1939 г. Приблизительно четверть румынского экспорта в Германию должна была составить нефть⁵⁴.

Румыния могла противостоять германскому нажиму путем налаживания сотрудничества с Советским Союзом⁵⁵. Румынский посланник в СССР сообщал в Бухарест о готовности Советского правительства сотрудничать с Польшей, Румынией, Балканской Антантой⁵⁶. В начале 1939 г. СССР вел торговые переговоры с Румынией⁵⁷, но они по вине румынского правительства окончились безрезультатно. В феврале 1939 г. возобновились румыно-германские экономические переговоры.

Советская дипломатия внимательно следила за развитием германо-турецких отношений. В конце декабря в Берлин для подписания соглашения о 150-миллионном кредите отправился генеральный секретарь турецкого МИД Менеменджиоглу. Одновременно предполагалось обсудить вопрос о Проливах. Безусловно, Германия предпочла бы решить этот вопрос за спиной Советского Союза. Однако все действия советской дипломатии убеждали Анкару в том, что СССР не примирится с отстранением его от участия в решении одного из самых важных для обеспечения безопасности черноморских стран вопросов. Поэтому турецкий МИД обратился с запросом к Советскому правительству⁵⁸. 2 января М. М. Литвинов телеграфировал поверенному в делах СССР в Турции, что НКВД не видит необходимости в формальном присоединении Германии к конвенции о Проливах. 9 февраля турецкий посол в СССР Апайдын сообщил В. П. Потемкину, что его правительство, «учитывая советскую позицию», решило уклониться от обсуждения вопроса о Проливах в Берлине⁵⁹.

Наибольших успехов Германия добилась в Венгрии. Берлин и Рим требовали от Венгрии присоединения к антикоминтерновскому пакту 9 января 1939 г. М. М. Литвинов предупредил венгерского посланника в Москве Юнгерт-Арнсти, что вступление Венгрии в антисоветский блок вызовет со стороны правительства СССР соответствующую реакцию⁶⁰. Однако венгерское правительство не вняло этому предупреждению и 12 января приняло решение о присоединении к антикоминтерновскому пакту⁶¹. Этот шаг правящих кругов Венгрии был фактически санкционирован западными державами⁶². 24 февраля был подписан протокол о присоединении Венгрии к антикоминтерновскому пакту. В этих условиях Советское правительство приняло решение о прекращении прямых дипломатических отношений с Венгрией. 3 февраля было опубликовано сообщение ТАСС о закрытии советского дипломатического представительства в Будапеште и об ожидаемом закрытии венгерской миссии в Москве⁶³. В советской прессе указывалось, что эта мера правительства СССР должна стать уроком для других малых стран⁶⁴. Решительные действия Советского правительства сыграли большую роль. В начале 1939 г. фашистская дипломатия добивалась присоединения к антикоминтерновскому пакту Польши, Болгарии, Югославии. Однако правительства этих стран боялись возмущения своих народов и ответных действий со стороны СССР.

Советская дипломатия должна была учитывать и использовать сдвиги, которые происходили в международной обстановке на рубеже 1938–1939 гг. В этот период обострились империалистические противоречия между итало-германским и англо-французским блоками. Резко ухудшились франко-итальянские отношения. 30 ноября депутаты итальянского парламента устроили антифранцузскую демонстрацию под лозунгами: «Тунис! Корсика! Савойя!». В декабре были денонсированы соглашения Лавалья–Муссолини 1935 г.⁶⁵ В ответ на итальянские претензии Даладье заявил в парламенте, что «Франция не уступит Италии ни дюйма своей территории». В начале января он предпринял демонстративную поездку на Корсику, в Тунис и Алжир⁶⁶.

Одновременно обострились империалистические противоречия между западными державами и Германией. Отказ Запада пойти на уступки в колониальном вопросе затруднил подготовку соглашения с Гитлером. И. М. Майский сообщал в конце 1938 г. о «заминке в англо-германских переговорах»⁶⁷. Чемберлен надеялся на посредничество Муссолини. В январе 1939 г. Чемберлен и Галифакс совершили поездку в Рим. Но как «мост к Германии» этот визит полностью провалился⁶⁸. К началу 1939 г. Лондону и Парижу не удалось получить от Гитлера гарантий, что германская агрессия будет развиваться в восточном направлении. Более того, там уже располагали достоверными сведениями, что первый удар Германия готовит на Западе⁶⁹. Не была исключена и возможность германского наступления через

Балканы на Ближний и Средний Восток. В январе германский атташе в Турции Роде подготовил меморандум о своей поездке в восточные районы Турции, по странам Ближнего и Среднего Востока. Наряду с выяснением возможности нападения на СССР с юга, он собирал сведения о прочности английских позиций в этом регионе⁷⁰.

23 января внешнеполитический комитет английского правительства обсуждал состояние англо-германских отношений. Было признано, что Германия будет стремиться разбить англо-французский союз и создать европейский блок, направленный против Британской империи. Если попытка разбить англо-французский союз потерпит неудачу, то Германия направит свои усилия на «свержение большевистского режима в России», в соответствии с этим заключением была вновь подтверждена необходимость укреплять оборону на двух рубежах: в Западной Европе и на подступах к колониальной империи. Было решено заявить о готовности Англии и Франции защищать Бельгию и Голландию, усилить разработку оборонительных планов¹ в подкомитете начальников штабов. Министр координации обороны Инскип сообщал о планируемой на февраль поездке на Средний Восток начальника имперского генштаба генерала Горта, которая была признана полезной с точки зрения международного положения⁷¹. На заседании внешнеполитического комитета в присутствии начальников штабов 26 января была признана необходимость штабных переговоров с Францией. Чемберлен высказал особую заинтересованность в том, чтобы эти переговоры охватили проблему совместных действий на Ближнем Востоке⁷².

30 января Гитлер выступил с речью в рейхстаге. «Германия, – заявил он, – находится в чрезвычайно тяжелом экономическом положении. Все затруднения происходят из-за того, что Германия не имеет колоний»⁷³. А. Кадоган писал в феврале: «У меня глубокие подозрения по поводу намерений Гитлера.. Я убежден, что они бесчестны и более всего он хочет разрушить Британскую империю»⁷⁴.

В условиях обострения империалистических противоречий Англия и Франция попытались использовать в качестве средства давления на Германию обращение к СССР. 27 декабря по инициативе Бонне во французской газете «Тан» была опубликована статья о договорах с Польшей и Советским Союзом⁷⁵. 9 февраля новый французский посол в СССР Наджиар, беседуя с В. П. Потемкиным, отметил улучшение советско-польских и советско-румынских отношений, что, «по мнению французского правительства... является одним из существенных факторов для поддержания общего мира». В. П. Потемкин ответил, что «французское правительство могло бы и не ограничиваться ролью простого наблюдателя событий, развивающихся в восточной части Европы»⁷⁶.

Аналогичные шаги предпринял и Форин Оффис. 25 января английский посол Сидс заявил М. М. Литвинову, что английское правительство хотело бы «знать и благожелательно рассматривать точку зрения Советского правительства по международным проблемам»⁷⁷. Британская пресса опубликовала сообщение о желании правительства Великобритании обмениваться с правительством СССР мнениями по международным вопросам⁷⁸. В феврале Сидс информировал М. М. Литвинова о решении министра заморской торговли Англии Хадсона посетить Москву с целью установления контактов и обсуждения торговых вопросов. Посол дал понять, что между этим решением и заявлениями Наджиара существует связь⁷⁹.

Эти действия были только маневром. Во французском министерстве иностранных дел считали, что «если Лига наций мертва, то ясно, что и франко-советского пакта нет»⁸⁰. Я. З. Суриц сообщал 10 февраля в Москву, что «в интимных беседах с друзьями Бонне... не скрывает, что «без жертв на Востоке не обойтись»⁸¹. Не претерпела существенных изменений и внешнеполитическая линия английского правительства. 6 февраля И. М. Майский писал, что Чемберлен «уже сейчас готов к Мюнхену № 2»⁸². Смысл действий западной дипломатии был правительству СССР ясен. Касаясь заявлений Сидса, М. М. Литвинов писал полпреду в Англию, что им «не следует придавать никакого значения». Он отмечал, что в Лондоне «начинают... понимать иллюзорность надежд на восточное направление агрессии. Это и побудило Бонне заявить о действительности франко-советского пакта, а, может быть, и Чемберлена заявить публично о желательности контакта с нами... Но «Москва словам не верит»⁸³. Советское правительство стремилось к действительному сотрудничеству с западными державами в интересах коллективного отпора агрессорам, в то время как для них обращение к СССР было лишь тактическим ходом.

Юго-Восточная Европа также использовалась Англией и Францией в качестве поля для маневрирования в поисках соглашения с Германией⁸⁴. В начале 1939 г. по инициативе британской дипломатии были возобновлены переговоры между Болгарией и Балканской Антантой. Однако перспективы создания общевосточного блока оставались туманными. Главным препятствием на пути к нему были отнюдь не разногласия между Балканскими странами, а позиция Англии. Противоречивость заключалась в том, что Лондон стремился, с одной стороны, сохранить угрозу превращения Балканской Антанты в общевосточный блок как орудие давления на Берлин, а с другой стороны, сохранить разделение Балканского пакта на южный (Турция и Греция) и северный (Румыния и Югославия) фланги, что позволило бы Англии продолжать мюнхенский торг с Германией за счет Балканских стран⁸⁵.

20 – 22 февраля в Бухаресте состоялась конференция Балканской Антанты. Она проходила в обстановке взаимной неприязни и подозрительности. Греческий премьер-министр Метаксас и румынский министр иностранных дел Гафенку пытались добиться продления Балканского пакта на семь лет. Но министр иностранных дел Югославии Цинцар-Маркович заявил, что это «будет излишней демонстрацией»⁸⁶. Гафенку заявил германскому посланнику в Румынии, что он и Цинцар-Маркович в ходе Балканской конференции установили: 1) Малая Антанта больше не существует; 2) Балканский союз ни в коем случае не должен стать инструментом, направленным против Германии⁸⁷. На этом фоне весьма симптоматичным был последовавший за Бухарестской конференцией визит турецкого министра иностранных дел Сараджоглу в Афины. Болгарский посланник в Греции сообщал в Софию, что смотреть на балканские вопросы сквозь призму дружбы с Грецией заставляют Турцию ее интересы в Средиземноморье, положение хозяйки Проливов и... дружба с Англией⁸⁸. С помощью укрепления греко-турецкого блока Англия стремилась укрепить свои позиции на подступах к Ближнему Востоку. А. Кадоган писал в феврале: «Мы должны принять все меры для укрепления своих позиций в Средиземноморье и на Западе»⁸⁹.

Настойчивые усилия, направленные на укрепление своих позиций в Восточном Средиземноморье, предпринимала Франция. В начале 1939 г. были возобновлены переговоры о заключении франко-турецкого договора о взаимопомощи. Однако они продвигались медленно. Анкара ставила свое согласие в зависимость от позиции Лондона⁹⁰.

В начале 1939 г. английское правительство вновь подняло вопрос об оказании экономической помощи странам Юго-Восточной Европы. На заседании внешнеполитического комитета британского кабинета министров 8 февраля было принято решение предоставить Греции и Румынии кредиты (соответственно 2 и, 1 млн. ф. ст.) и отправить в эти страны экономические миссии⁹¹. Однако это не значило, что правительство Чемберлена решило противодействовать германской экспансии на Балканах. Лейт-Росс, подготовивший в январе меморандум об экономической помощи Румынии и Греции, предлагал сообщить румынскому и греческому правительствам, что английское правительство не видит возможности оказать им какую-либо существенную помощь⁹². На заседании 8 февраля Лейт-Росс заявил, что Румынии нужен 10-миллионный кредит, а предоставление 1 млн. ее только разочарует⁹³. Галифакс также считал, что Англия не сможет оказать такую помощь Румынии, которая дала бы ей возможность противостоять Германии, но настаивал на эффективной поддержке Греции, учитывая ее важное стратегическое положение⁹⁴. Болгарский посланник в Англии сообщал в Софию 18 февраля, что ради соглашения с Берлином Лондон признает германской сферой влияния все страны Восточной и Юго-Восточной Европы за исключением Турции, и Греции⁹⁵.

Зимой 1938/39 г. заключила торговые соглашения с Болгарией и Югославией Франция. Но за ними не последовало расширения французской торговли с Балканскими странами. Вопрос об оказании экономической помощи странам Юго-Восточной Европы обсуждался на заседании французского кабинета министров 30 января. Но никаких практических решений на нем принято не было. Вопрос об «экономическом контрнаступлении» в Юго-Восточной Европе «был отложен»⁹⁶.

Определенная активизация западных держав в Юго-Восточной Европе преследовала двоякую цель. Во-первых, Гитлер должен был сделать вывод, что он не стал еще полноправным хозяином в этом регионе. Чтобы стать им, он, по замыслу западной дипломатии, должен был отказаться от претензий на колонии и направить агрессию против СССР. Во-вторых, английские и французские экономические миссии, должны были оживить в Бал-

канских странах надежды на помощь Запада и предотвратить их обращение за поддержкой к Советскому Союзу.

На рубеже 1938 – 1939 гг. в Балканских странах обострилась классовая борьба. Народные массы, возглавляемые коммунистами, выступали против реакции и фашизма внутри своих стран, за присоединение к политике коллективной безопасности на международной арене. Советское правительство внимательно следило за развитием событий в Юго-Восточной Европе. Болгарский посланник в СССР

Н. Антонов сообщал в феврале в Софию, что в связи с падением в Югославии правительства Стоядиновича, которое расценено как ослабление позиций Германии и Италии на Балканах, в Советском Союзе усилился интерес к Балканам⁹⁷.

В начале 1939 г. СССР вел торговые переговоры со многими соседними странами. 19 февраля был подписан торговый договор между Советским Союзом и Польшей. Советское правительство было готово расширить торговые отношения и с Балканскими странами. 27 декабря 1938 г. В. П. Потемкин сообщил наркому внешней торговли А. И. Микояну о предполагаемой поездке в СССР политических, общественных и деловых деятелей Болгарии, организуемой фирмой «Импортекс». В. П. Потемкин писал: «Ввиду того, что такого рода посещение болгарскими деятелями СССР имело бы в настоящее время определенное положительное значение для развития наших взаимоотношений – в особенности торговых – с Балканами вообще и с Болгарией в частности, НКВД высказывается за предоставление фирме «Импортекс» возможности осуществить проектируемую ею организацию поездки в СССР болгарских деятелей. Нет сомнения, что болгарские торгово-промышленные фирмы, проявляющие за последнее время усиленный интерес к налаживанию возможно более тесных торговых связей с СССР, воспользуются этой поездкой для того, чтобы установить непосредственный контакт с НКВД и входящими в него объединениями. Было бы поэтому желательно, чтобы НКВД высказался по вопросу о своевременности и целесообразности приезда к нам болгарских деятелей...». 2 января А. И. Микоян положительно ответил на запрос наркомата иностранных дел⁹⁸. Н. Антонов сообщал в феврале в Софию о готовности Советского правительства расширять торговые отношения с Болгарией и Румынией⁹⁹. Болгарский посланник в Турции писал, что СССР согласен оказать Турции помощь в модернизации сельского хозяйства¹⁰⁰.

Отставка в январе 1939 г. с поста премьер-министра Турции прогермански настроенного Дж. Баяра и создание нового правительства во главе с Р. Сайдамом привели к некоторому улучшению советско-турецких отношений¹⁰¹. 1 февраля германский поверенный в делах в Турции Кроль с тревогой докладывал в Берлин о возвращении в Анкару советского полпреда, который привез с собой «всестороннюю программу» тесного советско-турецкого сотрудничества. Кроль предлагал в связи с этим сделать соответствующее предупреждение турецкому правительству¹⁰².

В начале 1939 г. советская дипломатия зондировала почву для заключения Черноморского пакта. Болгарский посланник в Турции Христов сообщал в Софию, что вопрос о заключении Черноморского пакта возник в связи с ослаблением Балканской Антанты. Черноморский пакт рассматривался как дополнительная гарантия безопасности черноморских, а возможно и всех Балканских, стран. По словам Христова, Советский Союз стремился убедить Турцию в том, что лучшей гарантией безопасности для нее будет советско-турецкое или даже франко-советско-турецкое сотрудничество¹⁰³. Опубликованные советские документы подтверждают, что инициатором переговоров о заключении Черноморского пакта был Советский Союз. Черноморский пакт, по замыслу советской дипломатии, мог стать органической частью системы коллективной безопасности в Европе, ядром которой должно было служить сотрудничество великих держав¹⁰⁴.

Сообщения о том, что Советский Союз подготавливает почву для заключения Черноморского пакта, вызвали острое беспокойство в Германии. Берлин обратился за разъяснениями к Турции и Румынии. Генеральный секретарь турецкого МИД Менеменджиоглу заверил статс-секретаря германского МИД, что Турция никогда не заключит соглашения, противоречащего германским интересам¹⁰⁵. Министр иностранных дел Румынии Гафенку заявил германскому посланнику, что на февральской конференции Балканской Антанты вопрос о Черноморском пакте не обсуждался и Румыния с Турцией даже не думают его обсу-

ждать¹⁰⁶. Но в то же время румынский посланник в Лондоне пытался выяснить, какую позицию займет Англия по отношению к предложению СССР о заключении Черноморского пакта¹⁰⁷.

Серьезным препятствием на пути агрессора могло стать сотрудничество Советского Союза с Польшей и Румынией. В телеграмме германского посла в СССР Шуленбурга в начале марта звучало плохо скрытое беспокойство по поводу сообщения английской газеты «Дейли. экспресс» о том, что Советское правительство информировало Польшу и Румынию о своей готовности оказать им помощь, если их западные границы подвергнутся нападению¹⁰⁸.

В начале марта 1939 г. на Вильгельмштрассе были вынуждены признать, что «политический вес Великогермании недостаточен для того, чтобы соседние Германии на востоке и юго-востоке государства добровольно и автоматически поставить под командование Берлина»¹⁰⁹. Гитлер ускорил подготовку захвата Чехословакии. На совещании руководителей третьего рейха 8 марта он заявил, что не позднее 15 марта Чехословакия должна быть занята германскими войсками. По словам Гитлера, Прага нужна была Германии «как средство доступа к сырью». Затем в течение 1939–1940 гг. Германия должна была захватить Польшу и установить полный контроль над сырьевыми богатствами стран Юго-Восточной Европы. В 1940–1941 гг. Гитлер планировал разбить Францию и установить господство над Англией и ее колониальной империей¹¹⁰.

Однако на Западе не оставили надежд направить германскую агрессию на Восток – против СССР. Английское и французское правительства не препятствовали захвату Германией Чехословакии. 24 февраля Кадоган беседовал с французским послом в Англии Корбеном о возможном вступлении германских войск в Прагу, Кадоган заявил послу: «Мы ничего не можем сделать, чтобы остановить его (Берлин. – К. Ф.). Вопрос в том, чтобы спасти свое лицо. Это можно сделать с наименьшими потерями для своего престижа, высказав негодование после события»¹¹¹. 14 марта на совещании в кабинете Галифакса было решено не прибегать к «пустым угрозам», поскольку Англия не будет воевать из-за Чехословакии или Данцига¹¹².

Глубокий анализ международной обстановки, сложившейся к весне 1939 г., был дан на XVIII съезде ВКП(б). В Отчетном докладе Центрального Комитета отмечалось, что главной причиной разгула фашистской агрессии является «отказ большинства неагрессивных государств, и прежде всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам...»¹¹³. В выступлении руководителя делегации ВКП(б) в ИККИ Д. 3. Мануильского была подвергнута критике политика западных держав на Балканах. «План английской реакционной буржуазии, – указывал Д. 3. Мануильский, – состоит в том, чтобы, пожертвовав в угоду германскому фашизму малыми странами Юго-Восточной Европы, направить Германию на восток – против СССР... откупиться от империалистических притязаний Германии на английские колонии»¹¹⁴. На XVIII съезде ВКП(б) было дано ясное и, четкое изложение основ советской внешней политики: «1, Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами...

2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения с соседними странами... 3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии...»¹¹⁵.

Таким образом, Советский Союз заявил о своей решимости продолжать борьбу за мир и коллективную безопасность.

15 марта 1939 г., воспользовавшись бездействием западных держав, германские войска вступили в Прагу. В соответствии с решениями XVIII съезда партии правительство СССР было готово оказать помощь народу Чехословакии, ставшему жертвой агрессии¹¹⁶. Но чехословацкая буржуазия, как и в 1938 г., предала свой народ, капитулировав перед Гитлером.

Английское и французское правительства ограничились формальным протестом против уничтожения чехословацкого государства¹¹⁷. Лишь Советский Союз предпринял решительные действия. 18 марта М. М. Литвинов передал германскому послу ноту правительства СССР, в которой действия Германии характеризовались как «произвольные, насильственные, агрессивные», усилившие опасность всеобщему миру. Советский Союз заявил германскому правительству о своем отказе признать включение в состав Германии Чехии, а в той или иной форме и Словакии «правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения наро-

Захват Германией Чехословакии открыл период предвоенного политического кризиса в Европе.

¹ Taylor T. Munich. The Price of Peace. N. Y., 1979, p. 986.

² Baumont M. The Origins of the Second World War. L., 1978, p. 246, Duroselle J.-B. La decadence 1932 –1939. P., 1979, p. 365; Chapman D. Why France Collapsed. L., 1966, p.

³ История внешней политики СССР 1917 –1980. М., 1980, т. 1; Европа в международных отношениях. 1917 –1939. М., 1979; Потемкин В. П. Политика умиротворения агрессоров и борьба СССР за мир. М., 1946; Волков В. К. Мюнхенский сговор и Балканские страны. М., 1978. Манчев К., Бистрицки В. България и нейните съседи. 1931–1939. София, 1976; Чемпалов И. Н. Политика великих держав в Дунайском бассейне и на Балканах в конце 1938–начале 1939 г. – В сб.; Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1972; Шевяков А. А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. 1932 –1939. М., 1977.

⁴ ДВП СССР, т.21; Документы по истории мюнхенского сговора. 1937 –1939. М., 1979.

⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1970, т. 2, с. 472.

⁶ DGFP, ser. D, v. 4, № 247, p. 291.

⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937 –1939. М., 1981, т. 1, с. 271.

⁸ ДВП СССР, т. 21, № 423, с. 590.

⁹ ДВП СССР, т. 21, № 417, с. 575 –581.

¹⁰ Там же, с. 575 –576.

¹¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971, №52, с. 94.

¹² Duroselle J.-B. La decadence 1932 –1939, p. 389.

¹³ Les evenements survenus en France de 1933 a 1945. P., 1948, t. 3, p. 777.

¹⁴ Живкова Л. Англо-турецкие отношения. 1933– 1939. М., 1975, с. 91 –92.

¹⁵ ДВП СССР, т. 21, № 423, с. 590.

¹⁶ Duroselle J.-B. La decadence 1932 –1939, p. 382, 398 –399.

¹⁷ Adamthwaite A.P. France and the Coming of the Second World War 1936 –1939. L., 1977, p. 274.

¹⁸ DGFP, ser. D, v. 4, N 257, p. 316.

¹⁹ Newman S. March 1939: the British guarantee to Poland. Oxford, 1976, p. 55. .

²⁰ DGFP, ser. D, v. 4, N 343, p. 441 –443.

²¹ ДВП СССР, т. 21, № 428, с. 594.

²² Документы по истории мюнхенского сговора, с. 368 –369.

²³ ДВП СССР, т. 21, № 436, с. 604.

²⁴ СССР в борьбе за мир..., с. 57 –58.

²⁵ ДВП СССР, т. 21, № 436, с. 604.

²⁶ ДВП СССР, т. 21, № 446, с. 619.

²⁷ Lipski J. Diplomatin Berlin 1933 –1939. N. Y., 1968, p. 453, 463.

²⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. 1939, т. 6, № 262, с. 366.

²⁹ Там же, № 265, с. 369 –370.

³⁰ Coindre R. De Staline a Hitler. P., 1950, p. 166.

³¹ ДВП СССР, т. 21, № 410, с. 562 –566.

³² ДВП СССР, т. 21, № 414, с. 573.

³³ PRO, Cab 27/625, p. 31 –45.

³⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 867, л. 63 –64.

³⁵ Чемпалов И. Н. Политика великих держав..., с. 14 –16.

³⁶ PRO, Cab 27/625, p. 70 –71.

³⁷ PRO, Cab 27/625, p. 80.

³⁸ D'Hoop J.-M. La politique militaire de la France dans les Balkans de l'accord de Munich au debut de la Seconde Guerre Mondiale.- In: Sludia Balkanica. Sofia, 1973, 7, p. 83.

³⁹ Adamthwaite A.P. The Franco-German Declaration of 6 December 1938 –In: Les relations franco-allemandes 1933-1939. P., 1976, p. 408.

- ⁴⁰ Хаджиниколов В. Стопански отношения и връзки между България и Съвския Съюз до Девети септември (1917-1944). София, 1956, с. 176 –181.
- ⁴¹ ДВП СССР, т. 21, № 431, с. 596 –598.
- ⁴² ДВП СССР, т. 21, № 463, с. 644 –646.
- ⁴³ Чемпалов И. Н. Политика великих держав..., с. 80 –81.
- ⁴⁴ Известия, 1938, 27 нояб.
- ⁴⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 6, № 265, с. 369 – 370; № 266, с. 370 –371.
- ⁴⁶ Kral V. Spojenctvi ceskoslovensko-sovetske v evropske politice 1935-1939. Praha, 1970, s. 469.
- ⁴⁷ ДВП СССР, т. 21, № 460, с. 642 –643.
- ⁴⁸ FRUS, 1938, v. 1, p. 106.
- ⁴⁹ DBFP, ser 3, v. 3, № 325, p. 307-310. .
- ⁵⁰ Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность. М., 1976, с. 356 –358.
- ⁵¹ ДВП СССР, т. 21, № 484, с. 666.
- ⁵² ДВП СССР, т. 21, № 481, с. 663.
- ⁵³ XVIII съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1939, с. 13.
- ⁵⁴ Basch A. The Danube Basin and the German Economic Sphere. L., 1944, p. 210 –211.
- ⁵⁵ Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. М., 1976, с. 210 –211.
- ⁵⁶ Campus E. The Little Entente and the Balkan Alliance. Bucuresti, 1978, p. 162 –163.
- ⁵⁷ Большевик, 1939, № 4, с. 64.
- ⁵⁸ ДВП СССР, т. 21, № 497, с. 689 –691.
- ⁵⁹ ДВП СССР, т. 21, примеч. 193, с. 747.
- ⁶⁰ Венгрия и вторая мировая война. М., 1962, № 82, с. 149 –150.
- ⁶¹ Известия, 1939, 16 янв.
- ⁶² Пушкаш А. И. Венгрия во второй мировой войне. М., 1963. с. 65 –66.
- ⁶³ Известия, 1939, 3 февр.
- ⁶⁴ Известия, 1939, 4 февр.
- ⁶⁵ СССР в борьбе за мир..., примеч. 49". с. 665.
- ⁶⁶ Duroselle J.-B. La decadence 1932 –1939, p. 391.
- ⁶⁷ СССР в борьбе за мир..., № 52, с. 93.
- ⁶⁸ Watt D. C. Britain, France and the Italian Problem. – In: Les relations franco-britanniques de 1935 a 1939. P., 1975, p. 285.
- ⁶⁹ Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979, с. 218 – 220.
- ⁷⁰ Weber F. The evasive neutral: Germany, Britain, and the quest of Turkish Alliance. Columbia–L., 1979, p. 25.
- ⁷¹ PRO, Cab 27/625, p. 103 –132.
- ⁷² PRO, Cab 27/625, p. 133 –158.
- ⁷³ История дипломатии. М. – Л., 1945, т.3, с.650.
- ⁷⁴ The Diaries of Sir Alexander Cadogan 1938 –1945. L., 1971, p. 152.
- ⁷⁵ Adamthwaite A. P. France and the Coming... , p. 275.
- ⁷⁶ СССР в борьбе за мир..., № 121, с. 194 –195.
- ⁷⁷ СССР в борьбе за мир..., примеч. 62, с. 670.
- ⁷⁸ СССР в борьбе за мир..., № 105, с. 177 –178.
- ⁷⁹ СССР в борьбе за мир..., № 129, с. 203 –204.
- ⁸⁰ Duroselle J.-B. La decadence 1932 –1939, p. 398 –399.
- ⁸¹ СССР в борьбе за мир..., № 124, с. 198.
- ⁸² СССР в борьбе за мир..., № 116, с. 188.
- ⁸³ СССР в борьбе за мир..., примеч. 62, с. 670.
- ⁸⁴ Волков В. К- Мюнхенский сговор..., с. 204– 207.
- ⁸⁵ Кирьяков Ю. С. Болгаро-германские отношения накануне второй мировой войны (1938– август 1939). Канд. дис. Свердловск, 1975, с. 79.
- ⁸⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 967, л. 11 –12.
- ⁸⁷ DGFP, ser. D, v. 5, N304, p. 403.

- ⁸⁸ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 967, л. 7 –8.
- ⁸⁹ The Diaries of Sir Alexander Cadogan, p. 152.
- ⁹⁰ Massigli R. La Turquie devant la guerre. P., 1964, p. 67 –69.
- ⁹¹ PRO, Cab 27/625, p. 160 –180.
- ⁹² Newman S. March 1939... , p. 51 –52
- ⁹³ PRO, Cab 27/625, p. 177.
- ⁹⁴ Newman S. March 1939... , p. 51 –52.
- ⁹⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 641, л. 21.
- ⁹⁶ Duroselle J.-B. La décadence 1932 –1939, p. 389.
- ⁹⁷ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 793, л. 41 –43.
- ⁹⁸ Советско-болгарские отношения и связи. М., 1975, т. 1, с. 447 –448.
- ⁹⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 793, л. 41 –43.
- ¹⁰⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, д. 1142, л. 3.
- ¹⁰¹ Новейшая история Турции. М., 1968, с. 169.
- ¹⁰² DGFP, ser. D, v. 5, N559, p. 744.
- ¹⁰³ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 851, л. 11 –13.
- ¹⁰⁴ СССР в борьбе за мир..., № 239, с. 336-337; № 273, с. 374.
- ¹⁰⁵ DGFP, ser. D, v. 5, N560, p. 744 –745.
- ¹⁰⁶ DGFP, ser. D, v. 5, N304, p. 403.
- ¹⁰⁷ PRO, F0.434/6, p. 147.
- ¹⁰⁸ DGFP, ser. D, v. 4, N496, p. 632.
- ¹⁰⁹ СССР в борьбе за мир..., № 149, с. 233.
- ¹¹⁰ СССР в борьбе за мир..., № 145, с. 224 –225.
- ¹¹¹ The Diaries of Sir Alexander Cadogan, p. 156.
- ¹¹² The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey. 1937 –1940. L., 1970, p. 261 –262
- ¹¹³ XVIII съезд ВКП(б), с. 12 –13.
- ¹¹⁴ Там же, с. 48 –49.
- ¹¹⁵ Там же, с. 14 –15.
- ¹¹⁶ Потемкин В.П. Политика умиротворения агрессоров и борьбе Советского Союза за мир. М., 1946, с. 35.
- ¹¹⁷ История дипломатии. М., 1965, т. 3, с. 761.
- ¹¹⁸ СССР в борьбе за мир..., № 157, с. 242 –243.